

Шедяков Владимир Евгеньевич

Революционные трансформации общественной парадигмы – черта начала 3-го тысячелетия

УДК 32.01:323.1

DOI <https://doi.org/10.24195/2414-9616.2020-6.16>

Шедяков Владимир Евгеньевич
доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент,
независимый исследователь

Актуальность проблемы связана, с одной стороны, с резким ростом диапазона революционных движений, с другой – с расширением терминопотребления: от строго определённого – к бытовому, под которое легко подводится неоправданно большой и расплывчатый круг крайне разнообразных явлений. Тем самым смешиваются самые разные пласты социально-политических феноменов и тенденций, что затрудняет процесс оценки происходящего. Между тем за субъективными представлениями о текущих событиях политической периодики различима логика масштабных исторических сдвигов. Таким образом, назрела задача применения результатов осмысления революционной теории и практики к условиям дня сегодняшнего. Предмет исследования – происходящие качественные изменения: их необходимость, место революционного пути в возможном диапазоне преобразований, факторы, которые могут стать решающими. Цель написания статьи – характеристика особенностей кардинальных трансформаций, в которые втянулось человечество, с позиций и при помощи терминологии осуществления революционного скачка в развитии. В частности, потребовалось углублённое рассмотрение аргументации некоторых не вполне очевидных взаимосвязей закономерного и случайного в прохождении революционных трансформаций в теории и на практике. Это обусловило выбор системно-исторической диалектики в качестве метода исследования и изложения. Информационную базу анализа составляют нормативные акты, отечественные и зарубежные публикации, компаративистские исследования и оценки по вопросам как соотношения революционного и эволюционного развития, так и места происходящего в логике всемирно-исторического процесса. Результаты работы – осуществлен анализ всемирно-исторического контекста социально-политических трансформаций. Продемонстрировано формирование предпосылок перехода к новой общественной парадигме. Акцентируется реактуализация революционной теории и практики. В этом контексте рассмотрено развитие социально-политических процессов в ойкумене. Показаны возможные от промедления в осуществлении назревших преобразований издержки. Намечена взаимосвязь форм реализации тенденций как с революционной традицией, так и с ценностным сознанием. Высвечено взаимное влияние народных представлений и доктрин группировок элиты в формировании субъектности перемен. Отмечена роль проявления субъекта трансформаций не только для конкретики политического курса, но и для самого вектора социодинамики.
Ключевые слова: эпоха, трансформации, общественная парадигма, переход, революция.

Всюду, где ставится вопрос о действии, то есть о том, чтобы так или иначе изменять окружающий мир, тем самым ставится вопрос о знании и прогнозе. Всякое стремление изменить окружающий мир неизбежно связано с представлением о том, в каком направлении следует его изменять и можно ли изменять его в этом направлении.

Н. Д. Кондратьев «Проблема предвидения»

Введение. Революция – это вовсе не «бежит матрос, бежит солдат. Стреляют на ходу»: подобная ситуация описывает лишь одну из возможных форм осуществления революционных преобразований. Необязательную, исторически достаточно краткосрочную и не отражающую сути дела. Однако, разумеется, совсем не всякая смена власти – революция. Вместе с тем сам диапазон восприятия революционных преобразований весьма широк. С одной стороны, явление меняется, с другой стороны, зачастую категориальная строгость утрачивается, понимание и терминопотребление размывается. В какой мере «цветные» перевороты

допустимо называть революциями? И не размыта ли временем чёткость классического определения революционной ситуации, ведущих признаков революции? Некоторые из современников и во французской революции видели лишь бунт, другие же и в дворцовых переворотах – революции. Характеризуют «консервативную революцию» О. Бисмарка. Кто-то на передний план выносит изменения в системообразующих общественных отношениях, кто-то – в структурах власти, акцентируя перелом то внутреннего, то внешнего курса. Порой, модернизируя прошлое, в беллетристике и кинематографе популяризуют применение

термина «народные вожди» (а то и «коммунистические вожди») к... царям древней Спарты, а порой и Ганнибалу, якобы осуществлявшим «антиолигархические меры». А уж события т.н. «разноцветного бархата» конца 20 – начала 21 вв. зачастую и вовсе не соответствуют классическим определениям революций. Между тем запрительно жестокие расправы и массовые избиения «жёлтых жилетов», силовые подавления многотысячных демонстраций в Германии, Британии, Болгарии и Турции, игнорирование базовых прав и свобод человека и разгул полицейского насилия при разгоне «Оссуры Wall Street», инакомыслящих в Польше и скандинавских странах и прочие подобные вошедшие в правила западного подавления оппонентов преступления лишь провоцируют дальнейшие (революционные?) события. При этом, с одной стороны, социальные сети привлекли в число «властителей дум» массу обычных неподготовленных и обладающих ограниченной компетентностью обывателей (которые именно простотой своих оценок и близки воспринимающим), с другой – осуществилась высокая степень централизации собственности-власти над каналами информирования и обмена мыслями. Как один из результатов – смена консервативной волны либерально-социалистической группировки во власти в одной из могущественных федераций произошла в т.ч. и с опорой на возникшую монополию информирования (и односторонность освещения событий), уличные движения, анархо-ориентированную молодёжь и расовых экстремистов.

Цель и задачи. Таким образом, назрела задача применения осмысления революционной теории и практики к условиям дня сегодняшнего. Цель статьи – характеристика особенностей кардинальных трансформаций, в которые втянулось человечество, с позиций и при помощи терминологии осуществления революционного скачка в развитии.

Методы исследования. Проведённое исследование базируется, во-первых, на изучении теории и практики революционных действий со стороны С. Альенде, Т. Амару, А. Ахиезера, Г. Бабёфа, М. Бакунина, А. Бебеля, Д. Благоева, Л.О. Бланки, С. Боливара, М. Бри, И. Броз Тито, Ф. Буонарроти, П. Вилья, М. Ганди, Э. Че Гевары, Ж. Гада, В. Гонсалеса Гонсалеса, А. Грамши, Г. Димитрова, А. Дэвис, Ж. Жореса, Д. Ибаррури, Я. Кадара, Кампанеллы, Ф. Кастро Рус, М. Кашена, М.Л. Кинга, Л. Корвалана, П. Кропоткина, Ф.Р. Ламенне, В. Ленина, М.О. Летельера дель Солар, Э. Листера Форхана, П. Лаврова, Ж.-Т. Леклерка, К. Либкнехта, Дж. Лильберна, П. Лумумбы, Р. Люксембург, Г.Б. де Мабли, Н. Манделы, К. Маркса, Ф. Марти, Ж. Мелье, Н. Михайловского, Т. Мора, Э.-Г. Морелли, Дж. Неру, Д. Ортега Сааведра, Р. Оуэна, М. Петрашевского, Г. Плеханова, Е. Плимака, Ж. Ру,

Х. де Сан-Мартина, А. Сандино, Э. Сапаты, К.-А. де Рувруа Сен-Симона, Н. Спешнева, Э. Тельмана, П. Ткачёва, П. Тольятти, М. Тореза, Дж. Уинстенли, Ш. Фурье, Э. Хонеккера, Т. Шанина, Хо Ши Мина, П.Г. Шометта, Ж.-Р. Эбера, Х.М. Эспаньи, Ж. Эллюля, Ф. Энгельса; во-вторых, на характеристике особенностей нынешних преобразований Ж. Алфёровым, Дж. Ассанжем, Ж. Аттали, А. Ахиезером, И. Барыгиным, У. Беком, Н. Беляевой, Г. Бехманном, А. Богатуровым, М. Бри, Ф. Броделем, А. Бузгалиным, В. Букреевым, А. Бутенко, П. Бьюкененом, С. Бэнноном, С. Вагенкнехт, В. Вазюлиным, И. Валлерстайном, В. Васильковой, А. Вассерманом, В. Виммером, Р. Газенко, А. Гаспаряном, М. Гефтером, Э. Гидденсом, С. Глазьевым, Дж. Гэлбрейтом, Э. Гэмблом, Р. Дарендорфом, М. Делягиным, А. Дзермантом, В. Дрожжиновым, Ю. Дроздовым, А. Дынкиным, А. Дэвис, В. Ефимовым, В. Жуковым, А. Зиновьевым, И. Ильиным, В. Иноземцевым, Л. Иониным, Р. Ищенко, С. Карагановым, С. Кара-Мурзой, М. Кастельсом, В. Катасоновым, Я. Кедми, В. Келле, А. Кивой, М.Л. Кингом, А. Кобяковым, М. Ковальзоном, А. Колгановым, Дж. Корбином, С. Кравченко, Ю. Красиным, С. Кургиняном, Дж. Куртом, Л. Ларушем, Н. Луманом, Э. Люттваком, А. Мартыновым, О. Матвейчевым, Б. Межуевым, А. Миграняном, С. Михеевым, Н. Нарочницкой, А. Окасио-Кортес, И. Острецовым, С. Переслегиным, Д. Перкинсом, К. Петровым, С. Платоновым, Ю. Плетниковым, Е. Пономарёвой, С. Правосудовым, Е. Примаковым, А. Пыжиковым, В. Пякиным, Г. Рейнгольдом, Э. Розенталем, Г. Рудовым, В. Сагатовским, Б. Сандерсом, Р. Серовым, Б. Славиным, Э. Сноуденом, Н. Стариковым, Е. Спицыным, А. Сычёвой, Э. Уоррен, С. Ураловым, Дж. Урри, О. Фаллачи, В. Федотовой, Ж. Фреско, А. Фурсовым, М. Хазинным, К. Харрис, С. Хелемендиком, Х. Хинзелем, А. Хинштейном, Е. Холмогоровым, И. Черниковой, О. Четвериковой, А. Чучиным-Русовым, Т. Шаниным; наконец, на анализе многочисленными авторами революционной традиции на примерах отдельных стран и всемирно-исторических закономерностей, а также развитии политического прогнозирования применительно к сложившейся обстановке.

Результаты. Как известно, эпохи достаточно комфортной (для привилегированных групп) жизни в рамках привычной парадигмы сменяются периодами ломки прежней общественной парадигмы; так, «для всех народов бывает период сильной, страстной, бессознательной деятельности. Люди блуждают тогда телом и духом. Это время великих страстей, великих ощущений. Народы движутся в то время сильно, без видимой причины, но не без пользы для будущих поколений. Все общества проходили через этот период. Он даровал им их живейшие воспоминания, их чудесное, их поэзию,

все их высшие и плодотворнейшие идеи. Он необходим для жизни общества» [11, с. 5]. Очевидно, что «нынешняя эпоха требует вновь обратиться к классическим проблемам преодоления отчуждения и активизации социально-творческого начала Человека.... Что «рыночноцентрическая» <...> теория устарела и малоадекватна для исследования» [1, с. 5]. Таким образом, правомерна речь о комплексном пересмотре практико-теоретических воззрений и инструментария развития. В этот момент и общество испытывает сущностные, а не формальные трансформации, да и фокус задач обществоведения переходит с исследования разнообразия видоизменений с позиций существующей практико-теоретической парадигмы к её отбрасыванию в пользу создания новой, адекватной условиям эпохи [18; 24; 26].

На основании накопленных объективных и субъективных предпосылок человечество подошло к историческому выбору, от которого зависят не только темпы, но и направленность последующих трансформаций. Среди вопросов, не решаемых в прежней общественной «системе координат», наиболее важны для всей ойкумены в устройстве внутренней жизни проблемы обобществления (прежде всего, диффузии системообразующих отношений труда, собственности и управления) и максимизации поля просоциального творчества, внешней – преодоление раскола на «мировой центр» и «остальных». Если отдельный производитель выполняет сам все операции по изготовлению продукта, то его производство имеет частный характер, если выполняет часть, то – общественный. В последнем случае, чтобы трудиться производительно, достаточно быть частью совокупного рабочего. Более того, само производство и осуществляется «под конкретных потребителей» (а вовсе не «на рынок»), что сказывается на ценообразовании, роли маркетинга и возможностях манипулировать потребительскими предпочтениями (например, управляя модой, брендингом и т. п.). Соответственно, подвижны и ценностные корреляты [12; 19; 20; 73]. При культуре модерна, свойственной индустриальному обществу, доминирование внеэкономических форм принуждения сменяется экономическими. Так, «героем времени» модерна стал «рационалист», «человек экономический», «человек-машина». Ныне успешно конкурируют сумевшие повысить эффективность использования ведущих из них, сформировать свою этику отношений не только труда или же перераспределения, но и других измерений жизни. При этом доминирование финансово-экономических форм (таких как «деньги», «капитал», «норма прибыли» и т.п.) не только сдерживает развитие, но и разрушает как личность, так и общество [1; 9]. Соответственно, возврат изначального смысла нравственно-духовным понятиям требует

первоочередного ниспровержения диктата финансово-кредитного механизма общественного отчуждения. Успешное формирование образа будущего, включающее прочные социальные стандарты, серьёзные социальные гарантии, возрождение базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров, повышение ответственности и государства, и государственных топ-менеджеров, расширение государственного сектора и государственного регулирования, создаёт элементы концепции социума, государства и экономики общего блага, увеличивая социально-экономический инструментарий справедливости. Вместе с тем именно духовные (на данном этапе, прежде всего, научно-интеллектуальные) факторы оказываются и стратегически наиболее продуктивными, и предоставляющими обширный организационно-управленческий потенциал, влияя на ядро общественного богатства. Даже и сам продуктивный капитал формируется вокруг творческих возможностей и интеллектуального потенциала человека, их организации и использования. С усилением в глобальном масштабе черт общества познания растёт роль информационной сферы в комбинациях индивидуального и социального полилога, чему способствуют новые медиа, социальные сети и т.п. Посему меняется и вектор творческой соактивности, смещаясь в духовную сферу.

Революция – это не вопрос стилистики и акцентов приоритетов, смены придворных клик олигархата и внешних векторов, точности описания и вкусовщины историографов. На фундаментальном уровне по-прежнему принципиальным вопросом революции остаются изменения системообразующих общественных отношений: труда; собственности (прежде всего, на средства производства); управления/власти [2; 7; 8]. Но на актуальном – значимо меняется качество процессов социализации/индивидуализации человеческой деятельности [10; 13; 15; 17; 18]. Не только период сконцентрированных изменений, но и сама новая эпоха резко повышает вероятность новых волн массовых угроз. Проблемы хаоса несёт не столько революция, сколько затягивание с преобразованиями, «гордиев узел» которых она разрушает. Одновременно и период форсированных перемен для формирования правил повышения эффективности расходования общественного времени также востребует обращения к базовым ценностно-смысловым комплексам из-за утраты веры в регулятивные возможности и социальных институтов, и нормативно-правового оформления жизни [4; 9; 14]. Причём детерминанты патогенности вариативны и комбинируемы, что открывает дополнительные перспективы направленной селекции определённых признаков. Изменение же устройства общественной системы требует

не только повышения конечной эффективности, но и использования рычагов желательных изменений, в частности, путём стимулирующих трансформаций общественной среды и культивирования кластеров положительных перемен. И одной из наиболее заметных характеристик переходного периода становится формирование органов двоевластия.

Периодические трансформации парадигмального качества – неизбежность развития как, в частности, «повивальная бабка истории» [3; 5; 6; 23]. Но сам период форсированных изменений, разумеется, – это не время приращения на установившейся основе, соответственно, вовсе не эпоха процветания, а эра кризиса и выхода на поверхность накопленных противоречий, поляризации общества и обострения борьбы. Сумеет ли выполнить функцию «локомотива», во многом определяется взаимоотношением народа и элиты. Во многом именно лидеры, способные понимать конкретику процессов и работать в интересах собственного культурно-цивилизационного мира, становятся весомым фактором если не определения глобальных трендов, то хотя бы их эффективного использования. Социально-экономическая готовность стран и народов к новым условиям должна получить адекватное отражение во внутреннем и внешнем курсе. Разумеется, сам процесс преобразований может происходить с большими или меньшими эксцессами. Конечно же, уютней, когда вызревание нового происходит в лоне старого, но период смены всегда требует социального напряжения. Стратегически важно, чтобы период форсированного перехода не стал отказом от плодотворных наработок и достижений прошлого, а расширил ресурсно-методологическую базу жизнедеятельности и развития каждого именно при интеграции созидательных потенциалов, в том числе и модерна, и традиции. Органичность сочетания преемственности и развития – важнейшее условие защиты идентичности постсоветского пространства, что высвечивает роль и лидеров, и институтов. Крайне существенно, чтобы поле социального и индивидуального творчества возрастало, а качество и длительность жизни – увеличивались. Обществу, как отдельного культурно-цивилизационного мира, так и ойкумены, важно разнообразие мировоззрений, поисков, подходов, покуда оно не подрывает основ его существования. Плодотворная защита исторической памяти при понимании всемирно-исторического процесса как непрерывного и постоянного требует учить население размышлять, действовать, творить: самостоятельно и в коллективе. Сущность взаимоподдержки традиций и инноваций общественного развития – в политико-экономическом и социокультурном устройстве порядка жизни, который, чтобы быть созидательным, должен восприни-

маться народом как справедливый, должный. Для этого в свою очередь не должно существовать привилегий для власть имущих и агрессивных меньшинств, размежевание не должно прикрываться лживыми лозунгами и т. д. [21; 22; 24; 25; 26].

Политические процессы имеют разноскоростной характер. Притом если ранее длительное время они были локальными, затем глобализованными, то теперь многие аналитики склонны оценивать единство того и другого как глобально-локальные взаимосвязи. Наступление постглобальной эпохи отражается в комплексном характере перемен: как постглобальности объективного состояния, так и постглобализма осознания происходящего. Воспроизводство ойкумены накрепко связало культурно-цивилизационные миры, формой чего и стало соотношение конкурентности/состязательности и партнерства/кооперации с той или иной степенью комплиментарности или же, напротив, враждебности. Но нарастает понимание и ценности своей идентичности, и зависимости качества роста от реальности суверенитета.

Крайне существенен вопрос о субъекте преобразований. От того, кто и в чьих интересах определяет конечный вектор изменений, во многом и зависит, будет ли Ойкумена двигаться к созданию Утопии или же Антиутопии. Именно мера взаимодействия общества и его лидеров определяет, станет ли (и насколько плодотворно) арсенал революционных преобразований «локомотивом», «повивальной бабкой» или же поспособствует соскальзыванию общества в нисходящую траекторию, а то и превращению в резервацию архаики ультраэскзотов. Тем более что движение общества от состояния строго упорядоченной социальной системы к сложному структурированию бессистемной социальной целостности требует культивирования навыков планирования в слабоорганизованной среде. Соответственно, смена мирового тренда – это и необходимость смены элит: в полной мере продемонстрировавшие свою неспособность действовать в момент потребности в них должны уйти. Очередной парадигмальный скачок в развитии ойкумены объективно требует соответствующих изменений стратегий защиты национальных интересов. Их коренная модернизация тем насущней, что осуществляется переход к принципиальной многополюсности и признанию права на разнообразие. При этом важнейшими субъектами поиска и культивирования новых моделей общежития (как и защиты населения) проявили себя отнюдь не транснациональные корпорации или международные организации, а именно государства. Резкое углубление системного кризиса, в глобальном масштабе охватившее политико-экономическую и культурно-цивилизационную целостность, вывело в ядро главного внутреннего противоречия столкновение интересов компрадорского

олигархата (часто – под либерал-националистическими лозунгами) и народов в определении ведущей направленности комплекса вопросов трансформаций государства, науки, промышленности, технологий и коммуникаций, права, образования, социальной сферы, политической идеологии и психологии. Заканчивается сама «жизнь» данной разновидности организации общественного организма, предполагающая паразитирование на внешних ресурсах «колоний» и подчинении рынков: прежде всего, сырья, творческой активности, связанного, потребительских. Продление агонии этой политико-экономической целостности обходится человечеству масштабными потерями не только упущенных возможностей развития, но и формированием «дерева противоречий» между богатыми и бедными (людьми, слоями и регионами), сверхпотребляющими/стяжающими и недоедающими/терпящими лишения и нехватку инвестиций и т. д. Причём взлёт удобств и комфорта одних прямо предполагает паразитирование на бедственном положении других. Антагонизмы провели повсеместное разделение, затронув и проблемы накопления и утилизации отходов, и состояние стандартов и качества жизни, и возможности творчества, и социально-экономические предпосылки демографического кризиса и прочее – вплоть до многократной угрозы уничтожения цивилизации и скатывания под диктат одной страны (организации, корпорации и т. п.). Соответственно, мир стоит перед общей задачей гармонизации общественного порядка и выращивания новой реальности на более справедливых началах, позволяющих сочетание максимального роста прав (от краеугольного права на жизнь, на её достойное человека качество, на обеспечение равнодоступности условий до полной корзины социальных, экономических, политических, экологических и др.) каждого с патриотизмом. Для выхода из нынешнего тупика необходимо культивирование общественной организации как структуры для каждого из людей, аккумулирующей черты природоподобия и новые рубежи киберсоциализации, обеспечивающей сплав развитого общественного мнения с критичностью индивидуальных оценок и высокой степенью гражданской творческой активности (прежде всего, на основе посильного участия каждого в системообразующих отношениях труда, собственности и управления). Для адекватного развития образа и мысли, и действия требуется не только широкая фундаментальная образовательная программа, но и выработка у каждого привычки к сознательному ответственному выбору и разумной инициативе. Моделирование будущего и программирование соответствующих политико-экономических процессов должно и опираться на базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизацион-

ного мира, и облекать их в новые формы, органично присущие народам в изменившихся условиях.

Выводы. Ныне человечество входит в период гораздо более радикальных перемен, нежели привычные. Народ как субъект суверенности выращивает органичные для него формы народовластия и изменяет их. Одновременно трансформации уровня обобществления в экономической жизни и социализации – в социальной меняют и требования к общественно необходимому состоянию общества, а также балансу средств его достижения. Революция – лишь один из возможных путей к свободе, справедливости и равенству, и действителен он при совершенствовании человека, росте его нравственно-духовных сил. Геостратегическое угасание прежнего общественного порядка соседствует не только с формированием нового, но и обострением борьбы за лидерство в перехвате инициативы, за оставшееся наследие, за доминантность своих смыслов и подходов. Актуализируется проблема практической истинности разрабатываемых ранее и всё ещё применяемых абстракций. Цивилизационно-культурные миры, исторически вырабатывающие свой образ мышления и действия, формируют собственные Сверхпроекты, структурирующие, интегрирующие и мотивирующие общество. Но и революции – знамение истории. Событие подготавливается комплексом причин, но его реализация требует исторически благоприятной обстановки. Если отбросить варианты стечения обстоятельств, когда либо шарлатаны, либо эгоцентристы вызывают реальные кризисы сугубо демагогическими лозунгами, то вырисовываются вполне закономерные узлы исторических противоречий. Революцию совершает народ, она меняет фундамент общественного устройства, его системообразующие отношения. Она может включать организационные формы элементы заговора, и восстания, но отнюдь не сводится к ним, а предполагает широкое общественное движение. Революция, в отличие от бунта, не только разрушает, но и созидает, причём в историческом масштабе. Объективная логика истории разнится с субъективным видением субъектов, но вот расхождение декларируемых и подлинных целей организаторов и финансистов – такая же характеристика ложных социальных явлений, как и болезни общественного организма. Интегральное воспитание и подъём информационной грамотности – условие не только формирования научно-образовательно-производственных кластеров, но и благоприятного общественного фона, социально-политического климата. На основе понимания сущности и эволюции общественной системы можно строить и оптимизировать линию поведения. Нравственный императив целеполагания может противостоять деградации и хаосу, хоть сами основы нравственности весьма разнообразны. Применение

технологий переворотов и бунтов, родственных «цветным» событиям, – не новость для мировой истории. Хоть лубочная, хоть прагматично-утилитарная картина революционных процессов не открывает всей полноты правды о них, а стало быть, не предоставляет надёжного основания для прогнозирования и осуществления конструктивного воздействия на действительность.

Проведение дальнейших научных исследований в этой сфере требует, по нашему мнению, приоритетного исследования соотношения нравственного и интеллектуального развития для осуществления народного творчества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Москва : Культурная революция, 2009. 680 с.
2. Волобуев О.В. Идеино-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905–1907 годов. Москва : Высшая школа, 1984. 159 с.
3. Ганди М. Революция без насилия. Москва : Алгоритм, 2012. 480 с.
4. Голохвастова Н.В. Правовое сознание крепостных служащих уральского горнозаводского имения в первой половине XIX в. *Акт. теорет. и практ. вопр. развития юр. науки: общегосударственный и региональный аспекты* : Матер. II Всерос. с межд. уч. научно-практ. конф. Пермь, 2015. С. 43–47.
5. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия. *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 35–41.
6. Ильин И.А. О сопротивлении злу. *Новый мир*. 1991. № 10. С. 197–224.
7. Келле В.Ж. Культура истории. Методологические заметки. *Новая и новейшая история*. 2006. № 1. С. 23–32.
8. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. Москва : Мысль, 1986. 343 с.
9. Патрушев В.Д. Использование совокупного времени общества. Москва : Мысль, 1978. 216 с.
10. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. Москва : Изд-во Московского государственного ун-та, 1971. 247 с.
11. Чаадаев П.Я. Философические письма. Казань : Тип. Гран, 1906. 99 с.
12. Шедяков В.Е. Життєві цінності населення в контексті перспектив модернізації країни. *Соціальна психологія*. 2012. № 1–2. С. 11–20.
13. Шедяков В.Е. Отражение начал стабильности и развития в общественных нормах. *Economy and Society: a Modern Foundation For Human Development* : Proceed. of II Intern. Scient. Conf. Leipzig, 2017. Part 1. P. 116–118.
14. Шедяков В.Е. Обогащение закономерностей переходного периода конкретикой случайного. *Labyrinths of Reality*: Collection of scient. works / ed. by M.A. Zhurba. Montreal : CPM «ASF», 2020. Issue 4 (9). P. 6–9.
15. Шедяков В.Е. Переходный период: актуальные возможности развития. Scientific Collection «InterConf». Intern. Forum: Problems & Scient. Solutions: with the

Proceed. of VII Intern. Scient. & Pract. Conf. «Challenges in Science of Nowadays». Washington : EnDeavours Publisher, 2020. № 3 (36). P. 572–579.

16. Шедяков В.Е. Переходный период: сущность, содержание, формы. *Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Економічні науки*. 2017. Вип. 25. Ч. 1. С. 17–21.

17. Шедяков В.Е. Трансформации общественные и наук об обществе. *Ежемесячный научный журнал* : по Матер. XIII Междунар. конф. «Развитие экономических и межотраслевых наук в XXI веке». Новосибирск : Научный институт глобальной и региональной экономики (НИГРЭ), 2015. № 6 (13). С. 68–71.

18. Шедяков В.Е. Трансформации пространственно-временных характеристик в процессах социогенеза. *АНТРО. Анналы научной теории развития общества*. 2015. № 1 (16). С. 169–183.

19. Шедяков В.Е. Ценности как феномен общественного сознания. *Теоретические проблемы развитого социализма* : Тез. Всесоюз. конф. Секция 4. Москва, 1984. С. 27–30.

20. Шилов В.В., Семёнова М.Н., Сергеева Т.Н. Ценностные ориентации двух поколений. *Власть*. 2016. № 2. С. 141–149.

21. Burns T.R., Dietz T. Revolution: An evolutionary perspective. *International Sociology*. 2001. Dec. Vol. 16. № 4. P. 531–555.

22. Eisenstadt Sh. N. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. *International Social Science Journal*. 1992. Vol. 44. № 133. P. 386–401.

23. Fallaci O. The Rage and the Pride. Universe Publishing, 2002. 187 p.

24. Kuhn Th.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1st ed.–1962 ; 2nd–1970 ; 3rd–1996 ; 4th–2012. 264 p.

25. Luttwak E.N. Coup d'Etat: A Practical Handbook. Cambridge : Harvard University Press, 1979. 216 p.

26. Shedyakov V. Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. *Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension* / ed. by M. Bezpartochnyi. Sofia : St. Grigorii Bogoslov, 2019. Vol. 2. P. 51–62. DOI <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>

27. Shedyakov V.E. Value-sense complexes as the basis for the consolidation of socio-cultural capital of civilizations: the contents, the trends of transformations, potential of management. *Актуальні проблеми філософії та соціології*. 2016. № 13. С. 91–94.

REFERENCES:

1. Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I. (2009). Predely kapitala: metodologiya i ontologiya. [Capital limits: methodology and ontology]. Moskva: Kulturnaya revolyutsiya, 680 s. [in Russian].
2. Volobuev, O. V. (1984). Ideyno-teoreticheskaya borba po voprosam istorii revolyutsii 1905–1907 godov. [Ideological and theoretical struggle on the history of the revolution of 1905–1907]. Moskva: Vysshaya shkola, 159 s. [in Russian].
3. Gandi, M. (2012). Revolyutsiya bez nasiliya. [A revolution without violence]. Moskva: Algoritm, 480 s. [in Russian].

4. Golokhvastova, N. V. (2015). Pravovoe soznanie krepostnykh sluzhashchikh uralskogo gornozavodskogo imeniya v pervoy polovine XIX v. [The legal consciousness of serfs of the Ural mining and refinery estate in the first half of the 19th century]. *Akt. teoret. i prakt. vopr. razvitiya yur. nauki: obshchegosudarstvennyy i regionalnyy aspekty : mater. II Vseros. s mezhd. uch. nauchno.-prakt. konf. Perm, s. 43–47.* [in Russian].
5. Guseynov, A. A. (1994). Ponyatiya nasiliya i nenasiliya. [The concepts of violence and non-violence]. *Voprosy filosofii, no. 4, s. 35-41.* [in Russian].
6. Il'in, I. A. (1991). O soprotivlenii zlu. [About resistance to evil]. *Novyy mir, no. 10, s. 197–224.* [in Russian].
7. Kelle, V. (2006). Zh. Kultura istorii. Metodologicheskie zametki. [Culture of history. Methodological notes]. *Novaya i noveyshaya istoriya, no. 1, s. 23–32.* [in Russian].
8. Pantin, I. K., Plimak, E. G., Horos, V. G. (1986). *Revolutsionnaya traditsiya v Rossii: 1783–1883 gg.* [Revolutionary tradition in Russia: 1783–1883]. Moskva : Mysl, 343 s. [in Russian].
9. Patrushev, V. D. (1978). Ispolzovanie sovopkpnogo vremeni obshchestva. [Using aggregate time of society]. Moskva: Mysl, 216 s. [in Russian].
10. Pletnikov, U. K. (1971). O prirode sotsial'noy formy dvizheniya. [About the nature of the social form of movement]. Moskva : Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo un-ta, 247 s. [in Russian].
11. Chaadaev, P. Ya. (1906). *Filosoficheskie pis'ma.* [Philosophy letters]. Kazan : Tip. Gran, 99 s. [in Russian].
12. Shedyakov, V. E. (2012). Zhyttjevi cinnosti naselennja v konteksti perspektiv modernizacii krajiny. [Life values of the population in the context of prospects for modernization of the country]. *Socialjna psihologhija, no 1-2, s. 11–20.* [in Ukrainian].
13. Shedyakov, V. E. (2017). Otrazhenie nachal stabil'nosti i razvitiya v obshchestvennyh normah. [Reflection of the fundamentals of stability and development in social norms]. [in Russian]. *Economy and Society: a Modern Foundation For Human Development: Proceed. of II Intern. Scient. Conf. Leipzig, part 1, pp. 116–118.*
14. Shedyakov, V. E. (2020). Obogashchenie zakonomernostey perekhodnogo perioda konkretikoy sluchaynogo. [Enrichment of the patterns of the transition period with the specifics of the random]. [in Russian]. *Labyrinths of Reality: Collection of scient. works / ed. by M. A. Zhurba. Montreal: CPM «ASF», issue 4 (9), pp. 6–9.*
15. Shedyakov, V. E. (2020). Perekhodnyy period: aktual'nye vozmozhnosti razvitiya [Transition period: current development opportunities]. [in Russian]. *Scientific Collection "InterConf": Intern. Forum: Problems & Scient. Solutions: with the Proceed. of VII Intern. Scient. & Pract. Conf. "Challenges in Science of Nowadays". Washington : EnDeavours Publisher, no 3 (36), pp. 572-579.*
16. Shedyakov, V. E. (2017). Perekhodnyy period: sushchnost, sodержanie, formy. [Transition period: essence, content, forms]. [in Russian]. *Naukovyy visnyk Khersonskogo derzhavnogo un-tu. Ekonomichni nauky, vyp. 25, ch. 1, s. 17–21.*
17. Shedyakov, V. E. (2015). Transformatsii obshchestvennyye i nauk ob obshchestve. *Ezhemesyachnyy nauchnyy zhurnal.* [Transformations of Society and Social Sciences]. Novosibirsk : Nauchnyy institut globalnoy i regional'noy ekonomiki. 6 (13): po Mater. XIII Mezhdunar. konf. Razvitie ekonomicheskikh i mezhotraslevykh nauk v XXI veke, s. 68-71. [in Russian].
18. Shedyakov, V. E. (2015). Transformatsii prostranstvenno-vremennykh harakteristik v protsessah sotsiogeneza. [Transformations of spatio-temporal characteristics in the processes of sociogenesis]. *ANTRO. Annaly nauchnoy teorii razvitiya obshchestva, no. 1 (16), s. 169–183.* [in Russian].
19. Shedyakov, V. E. (1984). Tsennosti kak fenomen obshchestvennogo soznaniya. [Values as a Phenomenon of Consciousness of Society]. *Teoreticheskie problemy razvitogo sotsializma : Tez. Vsesoyuz. konf. Sektsiya 4. Moskva, s. 27–30.* [in Russian].
20. Shilov, V. V., Semenova, M. N., Sergeeva, T. N. (2016). Tsennostnye orientatsii dvukh pokoleniy. [Value orientations of two generations]. *Vlast, no. 2, s. 141–149.* [in Russian].
21. Burns, T. R., Dietz, T. (2001). Revolution: An evolutionary perspective. *International Sociology, dec., vol. 16, no 4, pp. 531–555.*
22. Eisenstadt, Sh. N. (1992). Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. *International Social Science Journal, vol. 44, no. 133, pp. 386–401.*
23. Fallaci, O. (2002). *The Rage and the Pride.* Universe Publishing, 187 p.
24. Kuhn, Th. S. (2012). [1962; 1970; 1996]. *The Structure of Scientific Revolutions.* Chicago: University of Chicago Press, 264 p.
25. Luttwak, E. N. (1979). *Coup d'Etat: A Practical Handbook.* Cambridge : Harvard University Press, 216 p.
26. Shedyakov, V. (2019). Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. *Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension.* Bezpartochnyi, M. (ed.) / VUZF University of Finance, Business and Entrepreneurship. Sofia: St. Grigorii Bogoslov, vol. 2, pp. 51–62. DOI <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>
27. Shedyakov, V. E. (2016). Value-sense complexes as the basis for the consolidation of socio-cultural capital of civilizations: the contents, the trends of transformations, potential of management. *Aktual'ni problemy filosofii ta sotciologii, no 13, s. 91–94.*

Революційні трансформації суспільної парадигми – риса початку 3-го тисячоліття

Шедяков Володимир Євгенович

доктор соціологічних наук, кандидат економічних наук, доцент, незалежний дослідник

Актуальність проблеми пов'язана, з одного боку, з різким зростанням діапазону революційних рухів, з іншого – з розширенням термінозастосування: від строго визначеного до побутового, під яке легко підводиться невинувато велике і розпливчате коло вкрай різноманітних явищ. Тим самим змішуються різні пласти соціально-політичних феноменів і тенденцій, що суттєво ускладнює процес оцінки того, що відбувається. Тим часом за суб'єктивними уявленнями про поточні події політичної періодики помітна логіка зрушень історичного масштабу. Таким чином, назріла задача застосування підсумків осмислення революційної теорії і практики до умов сьогодення. Предмет дослідження – якісні зміни, що нині відбуваються: їх необхідність, місце революційного шляху в можливому діапазоні перетворень, фактори, які можуть стати вирішальними. Мета написання статті – характеристика особливостей кардинальних трансформацій, в які втягнулося людство, з позицій і за допомогою термінології здійснення революційного стрибка в розвитку. Зокрема, треба було здійснити поглиблений розгляд аргументації деяких не цілком очевидних взаємозв'язків закономірного і випадкового в проходженні революційних трансформацій у теорії і на практиці. Це зумовило вибір системно-історичної діалектики як методу дослідження і викладу. Інформаційну базу аналізу становлять нормативні акти, вітчизняні та зарубіжні публікації, компаративістські дослідження й оцінки з питань як співвідношення революційного і еволюційного розвитку, так і місця в логіці всесвітньо-історичного процесу. Результати роботи – здійснено аналіз всесвітньо-історичного контексту соціально-політичних трансформацій. Продемонстровано формування передумов переходу до нової суспільної парадигми. Акцентується реактуалізація революційної теорії і практики. У цьому контексті розглянуто розвиток соціально-політичних процесів в ойкумені. Показані можливі витрати від зволання у здійсненні назрілих перетворень. Намічено взаємозв'язок форм реалізації тенденцій як з революційною традицією, так і з ціннісною свідомістю. Висвітлений взаємний вплив народних уявлень і доктрин угруповань еліти у формуванні суб'єктності змін. Відзначена роль прояви суб'єкта трансформацій не тільки для конкретики політичного курсу, а й для самого вектора соціодинаміки.

Ключові слова: епоха, трансформації, суспільна парадигма, перехід, революція.

Revolutionary transformations of the social paradigm - a feature of the beginning of the 3rd millennium

Shediakov Volodymyr Yevhenovych

Dr. Sc. (Sociology), Ph. D. (Economics), Associate Professor, Free-lance

The urgency of the problem is connected, on the one hand, with a sharp increase in the range of revolutionary movements, and on the other, with the expansion of term use: from strictly defined to everyday, under which an unjustifiably large and vague circle of extremely diverse phenomena can easily be summed up. Thus, the most diverse layers of socio-political phenomena and trends are mixed, which complicates the process of assessing what is happening. Meanwhile, behind the subjective ideas about current events in political periodicals, the logic of historical large-scale shifts is discernible. Thus, the time is ripe for the task of applying the understanding of revolutionary theory and practice to the conditions of today. The subject of the research is the ongoing qualitative changes: their necessity, the place of the revolutionary path in the possible range of transformations, factors that can become decisive. The purpose of this article is to characterize the features of the cardinal transformations into which humanity has become involved, from the standpoint and using the terminology of a revolutionary leap in development. In particular, it required an in-depth consideration of the argumentation of some not quite obvious interconnections between the lawful and the accidental in the passage of revolutionary transformations in theory and in practice. This led to the choice of systemic-historical dialectics as a method of research and presentation. The information base of the analysis is made up of normative acts, domestic and foreign publications, comparative studies and assessments on the issues of both the correlation of revolutionary and evolutionary development, and the place of what is happening in the logic of the world-historical process. Results of the work – the analysis of the world-historical context of socio-political transformations was carried out. The formation of the prerequisites for the transition to a new social paradigm is demonstrated. The re-actualized of revolutionary theory and practice is emphasized. In this context, the development of socio-political processes in the ecumene is considered. Shown are the costs that may result from delay in the implementation of urgent transformations. The interrelation of the forms of the realization of tendencies both with the revolutionary tradition and with the value consciousness is outlined. The mutual influence of popular ideas and doctrines of elite groupings in the formation of the subjectivity of changes is highlighted. The role of the manifestation of the subject of transformations is noted not only for the specifics of the political course, but also for the vector of sociodynamics itself.

Key words: era, transformations, social paradigm, transition, revolution.